

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

В оформлении переплета использована
работа художника *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Ключи судьбы / Елизавета Дворецкая. —
Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Исторические романы
Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-106780-9

Киевский воевода Мистина, заключая ряд с плеснецким князем Етоном, был уверен, что тот оставит земли в наследство сыну княгини Ольги, подрастающему Святославу. Таков уговор! Однако лукавый старик, которому верховный бог Один дал три срока человеческой жизни, решил обхитрить злую судьбу, так и не даровавшую ему собственных детей. Взяв на воспитание лесного найденыша, Етон сделал его своим тайным орудием. Вот только старый князь не сумел просчитать всех последствий... И теперь не только соперникам, но и ему самому и юной его красавице-жене, ходящей по краю смерти, предстоит пройти немало будоражащих испытаний...

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106780-9

© Дворецкая Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

*Волынская земля, Луческ,
18-е лето Унемыслово*

Близилась полночь, город Луческ спал на горе над Стырью. Кроме полноликой луны, некому было видеть, как Унемыслова княгиня, закутавшись с головой в широкий платок бурой шерсти, вдвоем со служанкой вышла за ворота. Лунный свет отражался в широких лужах на дороге и сам казался скользким, как лед. Скорее бы уже снег! Скорее бы Мокошь выбелила землю новым своим полотном, чтобы не было так непроглядно черно по ночам и так уныло короткими серыми днями.

Княжий двор стоял в городце, а бани выстроились чередой внизу, вдоль речного берега. Опираясь на руку челядинки, княгиня пробиралась по грязной после дождя тропе. Не рано ли она встала? Ведь седьмые роды — не шутка, не молоденькая уже... Но пропустишь полнолуние — потом еще месяц ждать в неизвестности и страхе. Наконец-то, после шестерых сыновей, судички послали Велегневе долгожданную дочь. Трех младших сыновей повитуха заворачивала сразу после рождения в старую княгинину рубаху, приговаривая: «Дай, Мокошь, дочь на смену матери», и вот наконец Мокошь откликнулась. Но всю беременность княгине снились ужасные сны: будто живот вдруг пропал, дитя украдено. Когда накатывала дурнота и тяжесть, мерещилось, будто во чреве лежит не младенец, а большой черный камень. Он даже снился ей.

Но худший сон увидел сам Унемысл — за месяц до родов жены, когда в Луческе и окрестных весях начали чесать лен. Привиделось ему, будто бы входят в избу две бабы, и одна другой говорит: давай, дескать, скрадем дитя у княгини, головешку взамен подложим! И даже одну он вроде бы узнал, видел ее, когда большухи приносили первые пучки льна для жертвы Мокоши. Но, проснувшись, не сумел вспомнить лицо.

Однако бережная ворожба сделала свое дело, роды прошли благополучно — на свет появилась не головешка и не камень, а миленькая здоровая девочка. И все-таки тревога княгини не улеглась, в первое же полнолуние она велела послать в Дорогоще за бабой Намыкой — самой старой в округе, самой искусной в питании судьбы.

Та пришла, когда Велегнева уже сидела на лавке в пустой холодной бане. Огня не зажигали — через распахнутую дверь ярко светила луна. В воздухе висел слабый дух дыма и бережных трав, которыми мыли роженицу шесть дней назад; порывы ветра приносили снаружи запах палой листвы и осеннего дождя. Княгиня ждала, дрожа и прислушиваясь к каждому шороху. Вот-вот сейчас из-за печки или из тьмы черных углов вылезет мора — косматая-волосатая старушка ростом с дитя...

Когда появилась Намыка, княгиня задрожала сильнее. Усохшая от старости бабка и сама сделалась словно десятилетняя девочка, только на спине у нее, ближе к левому плечу, вырос горб, и она ковыляла, перекошенная его тяжестью. Из-под белого шушуна виднелся подол черной старушечьей плахты. Белый платок плотно облегал ее голову. Она сняла его, и по плечам рассыпались тонкие, как свет, и седые, как иней, слабые волосы. Беззубые челюсти подчеркивали выпяченный подбородок, скулы были плотно обтянуты тонкой кожей. Запавшие мутные глаза, казалось, смотрят сквозь явь и видят иное. А где взор, там и душа. От старухи веяло Навью, где она, по сути, уже дав-

но пребывала. Лишь дряхлое тело ее все еще бродило по белому свету, и это само по себе внушало жуть. Особенно здесь, в бане, что стоит на меже между миром живых и миром мертвых.

Намыка принесла с собой прялку и волну — белую кудель из чесаной овечьей шерсти. Вот она затворила за собой дверь, и в бане стало почти темно — теперь только в оконце светил лунный луч, сам похожий на нить. Велегнева сидела на середине лавки, сжав руки на коленях, — вот бы забиться в угол, но углов-то она боялась пуще всего. Дрожь пробирала ее с ног до головы, теснило в груди, тянуло бежать отсюда на вольный осенний воздух.

Но она сидела на месте. Дома осталась ее новорожденная дочь, первая, единственная, такая желанная. Так хотелось знать, что ей суждено вырастить это чадо — качать в зыбке и петь «Ходит дрёма», играть в ладушки с маленькими непослушными ручками, учить ходить и «резать путы» между слабыми ножками, чтобы освободить их для ходьбы и беготни. Ловить первые нелепые слова, в которых лишь она да нянька смогут разобрать не то «баба», не то «мама», не то «дай». Потом расчесывать волосики, в три года впервые подстричь их, в семь — заплести первую косу. В восемь учить прясть, шить, в двенадцать надеть плахту и дать в руки ткацкий челнок, а там уже и женихов придет пора ожидать. Дочь, ее Дажьбожья внучка, уж верно вырастет девой красоты несказанной, что ни вздумать ни взгадать. Всех пригожее она будет, и умом, и красотой возьмет. Самые знатные мужи, самые удалые молодцы будут съезжаться ее сватать, едва прознают, что она выросла... Если вырастет. Если дурные сны не означают, что злая Недоля тянется к ее жизненной нити и готовит острые ножницы...

С прялкой под мышкой Намыка уползла за печь. Потом появилась снова, обходя сложенную из крупных камней

печь противосолонь. Бормотала что-то — княгиня не вслушивалась. Обойдя печь три раза, вышла вперед. И княгиня больше не смела смотреть на нее — теперь это была Доля, пряжа судьбы, и женщина не решалась поднять глаза выше подола ее черной плахты.

Намыка принялась кружить вокруг себя — тоже противосолонь. Зашамкала, и княгиня скорее угадывала, чем слышала призыв:

За лесами дремучими, за горами высокими,
Где солнце не светит, роса не ложится,
Стоит избушка на курьей ножке,
На веретенной пятке,
Кругами вертится, дверей не видать.
А в той избушке
Сидит старая старушка,
Волну прядет, нитки сучит,
Веретенце крутит,
Под пол спускает,
Прядет, выпрядает,
Узоры набирает,
Красной девице, молодой молодежи
На долгий век, на короткий век...

Покрутившись, Намыка уселась на печь, вставила прялочную столбушку между ног и принялась пряхсть — левой рукой, в другую сторону, а не как обычные нити прядут. Княгиня раз или два осмелилась на нее взглянуть, но тут же отводила глаза. Зрелище было жуткое — скрюченная старуха, сидящая на банной печи, будто озорующее чадо. Лунный свет скользил по ее белому шушуну, пятна света и мрака при движении ее рук чередовались, словно разрывали ее на части. Княгиня жалела, что сидит здесь и видит это, но уйти было невыносимо — она не смела лишний раз моргнуть, сглотнуть, вздохнуть. Пошевелиться

было невозможно, как во сне, когда мара сядет на грудь и давит, делая все члены мертвее камня.

Нужно спросить: на счастье прядешь или на несчастье? Велегнева пришла именно затем, чтобы задать этот вопрос, но сейчас поняла: она не сможет. Язык не поворачивался. Страшно было подать голос, нарушить эту тишину и скрип веретена. А еще страшнее — услышать ответ.

Вдруг старуха вскрикнула и дернулась. Хриплый крик ее был похож на карканье вороны. Сухая белая рука взметнулась вверх, будто Намыка ловила в воздухе что-то невидимое. Княгиня ахнула, вздрогнула; сердце сильно стукнуло, едва не разрываясь.

А Намыка, оставив прялку, уже обеими руками делала движения, будто не то ловит, не то отгоняет кого-то в темноте. В пятнах лунного света ее сухие руки мелькали, словно голые птицы. Прялочный копыл со стуком рухнул на пол. Воздух был полон злобными обитателями Нави; княгиня соскользнула с лавки, сжалась в комок на полу и прикрыла голову руками. Сейчас что-то ужасное схватит ее, утянет во мрак подземелья...

Но вот крики стихли. Княгиня боязливо подняла голову, уверенная, что увидит только печь и прялку на полу, а Намыку, уж верно, навьи унесли с собой.

Однако старуха сидела на прежнем месте. Даже прялка вновь была у нее в руках. Похоже, она выиграла это сражение. Чуть подбодрясь, Велегнева снова села на лавку, на самый краешек.

Намыка отложила копыл и встала. В руках у нее была длинная белая нить. Она кивнула, и княгиня подошла, не чуя под собой ног.

— Мора приходила, — прошамкала Намыка. — Кудель мою рвала. Едва отбилась от нее, кощеихи... Сковороду давай...

Княгиня обошла печь и взяла стоящую на приступке широкую железную сковороду с бортиком. На сковороде

обнаружились волокна и целые клочья белой кудели — и на полу, и на боках печки. Дрожащей рукой княгиня смахнула их, вздрогнула, будто коснулась мертвого тела. Зачерпнула ковшом воды, вылила на сковороду.

Намыка свернула нить кольцом, шепча над нею что-то. Потом опустила в воду на сковороде.

— Ну теперь смотри...

Княгиня опустила взгляд. Белые нити сперва легли на поверхность воды, даже не продавив ее, но потом распластались, набухли и у нее на глазах медленно опустились на железное дно...

Часть первая

*Плеснеск,
45-е лето Етоново*

Собирая соратников для нового похода на Греческое царство, Етона из Плеснеска Ингорь оставил напоследок. Ко второй зиме после войны с греками князь киевский достиг уже немало и теперь, имея за собой силу, не просил о помощи, а великодушно предлагал возможным союзникам разделить с ним плоды будущей победы.

— Вспомнили вы, стало быть, и обо мне... — промолвил князь Етон, глядя на стоявшего перед ним киевского посла — в синем кафтане с богатой шелковой отделкой, с печенежским поясом в серебре.

Чуть моложе средних лет, рослый, уверенный, тот держался с непринужденным достоинством, и при взгляде на него невольно возникало чувство, будто он своим посещением оказывает честь этому месту, хотя сам нисколько об этом не думает. На плечевом ремне у посла висел франкский меч — набор и отделка ножен сияли тонкими узорами из золота и черного серебра. Даже здесь, между верховьями Днестра и Буга, вблизи моравских земель, славных умелыми златокузнецами, на путях перевозки этих мечей от Рейна к Днепру, он внушал восторг и зависть. Может, как раз потому, что все тут знали, что это за вещь и сколько стоит. Етон заметил эти чувства на лицах своих людей и вдруг встревожился: не позавидует ли дружина киевским русам, у кого такие молодые и удачливые вожди? Пойдальее, чем он, старик, чья слава уже в прошлом?

— Мы в Киеве никогда о тебе и не забывали. — Посол учтиво наклонил голову. — О тебе, Етон, в нашей земле по сей день предания ходят...

Искусный в речах Мистина Свенельдич не погнушался бы польстить хозяину, но сейчас сказал чистую правду. Амунд, сын Вальстена, князь плеснецкий, был славен далеко за пределами своих земель уже внешним видом. Огромного роста, нескладного сложения и весьма некрасивый лицом, он с юных лет получил прозвище Йотун — на языке волынской руси это звучало как Етон, — и оно прилипло так прочно, что совсем вытеснило настоящее имя. Но сагу его создала не внешность. Еще в те времена, когда Мистина был ребенком, воевода Свенельд, его отец, на долгих зимних пирах рассказывал о ссоре Олега Вещего с молодым вождем волынских русов. Из-за чего была ссора, никто уж не помнил: не то из-за нежелания волынян идти в поход на угров, не то из-за дележа добычи после похода, а может, из-за стремления Вещего подчинить себе и Волынь. Однажды бабы в доме старого Предслава болтали, будто два могучих владыки повздорили из-за сватовства к какой-то красавице, но в это Мистина и отроком не поверил: бабы есть бабы, их хлебом не корми, дай потолковать про невест и свадьбы. Важно было то, что Олег, недаром прозванный Вещим, проклял Етона.

«Сколько бы жен ни брал ты в дом, ни от одной из них не будет у тебя ни сына, ни дочери», — сказал он.

Однако той же ночью Етон увидел во сне, будто в покой к нему входит могучий муж в синем плаще и серой шапке, так низко надвинутой на лицо, что глаз было не увидеть.

«Олег киевский столь мудр и могуч, — промолвил он, — что даже мне не под силу снять его проклятье, наложенное именем Харлоги — бога Высокого Огня. Но я сделаю так, что ты проживешь тройной срок человеческой жизни. Может быть, за то время найдется способ разрушить чары».

Более никто в доме не видел и не слышал, чтобы к Етону приходил некий муж и говорил с ним. Однако сон сбылся: с тех пор миновало много десятилетий, внуки Етоновых ровесников получили мечи и встали в ратный строй, а сам он все еще был жив и даже довольно крепок. У него имелось несколько знатных жен, не считая рабынь-наложниц, но и проклятье сбылось: ни одна из них не принесла ему ни сына, ни дочери.

— А я уж думал, позабыли вы, киевские, меня, — ответил Етон, пристально осматривая посланца, будто выискивая подвох. — Со времен Олега Вещего ваши люди у меня только раз и были — как внук его, Олег-меньшой, в Киеве сел, так отец его приезжал, Предслав... Мириться хотел. Ну и после того, как сам Предславич на Мораву пробирался...

Етон помрачнел, вспомнив, как четыре года назад принимал у себя знатного изгнанника. Ему бы стоило радоваться: судьба отомстила за него. Недруг его, Олег Вещий, умер раньше, пережил четверых сыновей, не оставив прямых наследников, кроме внука. Но и тот продержался на киевском столе не слишком долго — восемь лет, а потом был свергнут Ингорем — мужем Эльги, племянницы Вещего. Выходило, что Олегов род в Киеве уступил место князю из северной, волховской руси. Но Етона тогда не тянуло злорадствовать: он скорее готов был пожалеть внука покойного неприятеля. Судя по рассказам Олега-младшего, власть на Днепре оказалась в руках людей отважных, предприимчивых и готовых на все — как на открытый бой, так и на обман и предательство. Етон чуть было не предложил Олегу-младшему свою поддержку для возвращения в Киев, но дружина отговорила: довольно своих забот. А ведь вокняжение на киевских горах Ингоря из Хольмгарда, глядя поначалу, всем соседям обещало много покоя.

— Как же мы тебя забыть можем? — Мистина развел руками, будто в удивлении. — Ты ведь тоже от рода русского. Поволховская русь с днепровской теперь единым

родом живет, с тех пор как Ингвар в жены Эльгу взял, а ты вроде и по соседству, да не с нами. Желает Ингвар иметь с тобой мир и дружбу.

— Чудные речи твои! — усмехнулся Етон. — Слышали мы, не дружбы вы вокруг себя ищите. С хазарами повздорили, с греками воевали...

Мистина подавил ухмылку — не ускользнувшую, впрочем, от глаз Етона и его ближних, — и приосанился.

— Если будет на то твое желание, я расскажу тебе о войне с греками все, что только стоит об этом знать. Я был в том походе от первого до последнего дня. Я видел своими глазами, как горели на воде Боспора Фракийского наши суда, подоженные «влажным огнем». Прошел через всю Вифинию, предавая огню и мечу села, сады и посевы. Взял богатый и древний город Ираклию, сражался под ее стенами в поле против греческих воевод Варды, Куркуаса и Панферия. Много раз я мог остаться на той каменистой земле под оливами. Но боги помиловали меня и позволили вернуться домой, почти невредимому, с войском и добычей.

— Да всем ведомо — от греков Ингорь на десяти лодьях воротился, едва сам жив ушел! — Етон подался вперед.

— Это ложь, — спокойно ответил Мистина. — Так говорили те, кто испугался «влажного огня», принял его за небесную молнию и утратил веру в победу. Эти люди и предпочли вернуться домой с раненым князем, а не продолжить поход, чтобы отомстить за него.

— Еще от отца я слышал: многие становятся робкими, изнедав раны!

— Не все. В мою грудь била пика катафракта, однако не достала до сердца и не заразила его робостью.

— Да неужто? — Етон склонил голову набок.

— Рубцы показать?

Мистина с улыбкой положил руку на верхние золоченые пуговицы кафтана, собираясь его расстегнуть.

— Брось! — Етон поморщился. — Я тебе не баба...

Однако беглый взгляд на лица собственных отроков убеждал: они бы охотно посмотрели на шрамы от пики тяжеловооруженного греческого всадника, хоть и не бабы...

— А сколько добычи мы привезли, — продолжал Мистина, — ты сможешь судить сам, когда изволишь принять дары, что прислал тебе мой князь в знак дружбы и предложения союза. Что лучше покажет нашу доблесть, чем коприны и серебряные чаши! Ты сам увидишь, кто говорит правду — мы или наши завистники.

Он улыбнулся, и его красивое лицо засияло, будто солнце. Легко было поверить, что этот мужчина, лет двадцати шести или чуть старше, полон доброты, искренности и дружелюбия. Даже Етон, повидавший на долгом веку много удалых молодцев, поверил бы — если б не знал от самого Олега Предславича, свергнутого с киевского стола, что именно Мистина вместе со своим отцом, воеводой Свенельдом, стоял во главе заговора против родного внука Вещего.

Но Етон видел и еще кое-что. Уверенность Мистины говорила о том, что этот человек, прошедший огонь Боспора Фракийского и пики тяжелых царевых конников, чувствует в себе своего бога — бога воинской доблести и удачи. А поэтому хорошо знает свой путь.

— Ну, показывай, что привез... — проворчал Етон.

Мистина сделал знак своим отрокам, чтобы внесли и открыли ларь. Подарков оказалось не так уж много: три шелковых кафтана, красная парчовая шапка, греческий меч-парамирий, широкая золоченая чаша на такой же широкой ножке с основанием, украшенным самоцветами. Ровно столько, чтобы сделать сразу два дела: доказать, что киевские русы вернулись из Греческого царства с добычей, и зажечь сердца хозяев жадной получить того же, но побольше!

И еще одна мысль довольно ясно отражалась на лице Етона, когда он переводил взгляд с разложенных перед